

УДК 821.161.1-1
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.08

Э. Колларова
Ружомберок, Словакия

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ СЕГОДНЯ¹

Аннотация. В статье анализируется корпус стихотворных произведений, составивших вышедшую в свет книгу «Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов». Фактор анонимности (имена 115 авторов — поэтов разных поколений, проживающих в городах России, дальнего и ближнего зарубежья, — не называются) способствует возможности выявления общих примет русской поэтической речи новейшего времени. В соответствии с целевой установкой осуществлена категориальная интерпретация входящих в антологию стихотворений как единого сверхтекста. Указанный подход позволил выявить образный потенциал «географичности» стиля, описать содержательное наполнение вербальных знаков пространства и времени, установить принципы философской трактовки времени в его динамике, дать общую характеристику хронотопа в связях и отношениях с образом коллективного автора, осмыслить особенности мировоззренческой позиции современного поэта как носителя русского языка, продолжателя национально-культурных и собственно литературных традиций. На основе выделения дифференциальных признаков ментально значимого концепта «поэтическое» прослеживаются способы репрезентации в речевой структуре сверхтекста возвышенного, неприземленного, задушевного. С позиции читательского восприятия анализируются средства, обеспечивающие реализацию эмоционально-воздействующей функции сверхтекста, которая, в частности, сопровождается сквозной мотив лингвоаксиологического сопротивления. Опора на обозначенную в трудах представителей русской формальной школы и их последователей дихотомию языка практического и языка поэтического определила вектор конкретизации эстетической функции собственно поэтических произведений в их отличии от текстов прикладной поэзии. Описаны значимые эвристические результаты поэтического речетворчества: неожиданные образные параллели, лежащие в основе массива компаративных тропов; включенные в актуальный процесс паронимической аттракции семантические сближения слов. Отмечено, что в области аффиксальных новообразований лингвоэвристическая составляющая современной поэтической речи проявляется менее ярко. Складывающиеся неконвенциональные тенденции, связанные с орфографическим, пунктуационным, графическим оформлением текста стихотворения, обозначены в общем виде.

Ключевые слова: поэтическое творчество; русская поэзия; сверхтексты; хронотопы; эвристический результат; эстетические функции; поэтическая речь; стихотворения.

E. Kollárová
Ružomberok, Slovakia

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN POETIC SPEECH TODAY

Abstract. The article analyzes the collection of poetry texts, included in the recently published volume «Russian Poetic Speech — 2016. An Anthology of Anonymous Texts». The anonymity factor (the 115 poets of various generations, living in Russia and abroad, who contributed to the volume, were not named) certainly contributes to the discovery of common features in Russian poetic speech of the late modernity. One of the main goals of the research was to perform categorical interpretation of the poems comprising the volume as one super-text. This method allowed for discovery of the poetic value of the individual geographies of the authors, as well as for cataloguing the meaning behind the verbal designators of space and time in poetry. The method also permitted to establish the principles behind the philosophic interpretation of time in its dynamics, to give overall assessment of the chronotope in its connections and relations to the image of a Collective Author, and to rethink the worldview of collective contemporary poet as the carrier of Russian language and the heir to the cultural and literary traditions of the nation. Isolating differential features of the concept of 'poetic' led to the discovery of the representational means for the super-text of 'elevated', 'non-earthly', and 'sincere'. The article also analyzes the means for realization of the emotional and influential functions of the super-text, which particularly accompanies the through motive of linguistic and axiological resistance. Treading upon the Russian Formalist school dichotomy between the practical and the poetical language, the research determines the vector for aesthetic function of properly poetic texts as opposed to the texts of 'applied' poetry. We explored and described meaningful heuristic results of poetic speech creation: the unexpected parallels behind the mass of comparative tropes, as well as semantic approximation of words, included in the actual process of paronymic attraction. We have noted that the linguo-heuristic feature of contemporary poetic speech is less apparent in neologisms with affix genesis. The article outlines emerging unconventional tendencies, connected to orthographic, punctuational and graphic aspects of a poetic text.

Keywords: poetic; Russian poetry; super-texts; chronotopes; heuristic result; aesthetic functions; poetic speech; poems.

В 2016-м году под руководством Виталия Кальпиди и при участии Марины Волковой, Дмитрия Кузьмина был осуществлен безаналоговый издательский проект: на суд читателей и специалистов-филологов представлен свод ранее не опублико-

ванных русскоязычных стихотворных текстов новейшего времени (Основной источник 2016). Имена 115 авторов не указываются. Спектр мнений исследователей, критиков, читателей о значимости проекта, принципах, лежащих в основе композиции издания, феномене анонимности, особенностях поэзии текущего времени отражен в томе втором [Русская поэтическая речь 2016]. Фактор анонимности, с

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006

одной стороны, усложняет описание идиостилевого своеобразия отдельных произведений, включенных в антологию; с другой стороны, — способствует выявлению общих особенностей русской поэтической речи текущего времени.

В лингвистической поэтике используются два подхода к изучению поэтической речи — «словоцентрический» и «текстоцентрический» [Золян 2016: 69]. Отмеченные подходы реализуются по принципу дополнения в процессе анализа произведений, составляющих «Антологию — 2016», в настоящей статье: прослеживаются общие особенности собрания стихотворений как сверхтекста (1); рассматривается соответствие этих произведений концептуальному представлению о «поэтическом» (2); выявляются параметры, позволяющие трактовать сверхтекст как образец русской поэзии новейшего времени (3).

1. Исследуемые произведения в совокупности могут быть интерпретированы как единый сверхтекст, объединенный образом коллективного автора, хронотопом, принципами отбора средств художественной выразительности¹. Особенности словоупотребления рассматриваются в контексте сверхтекстового целого и в проекции на образ коллективного автора.

Коллективный автор — носитель русского языка, включенный в литературный процесс продолжатель национально-культурных традиций, пытающийся в контексте текущего времени, изнутри, эстетически осмыслить российскую действительность и значимость поэзии для своих современников.

Время в сверхтексте трактуется как философская категория, выступает как «определитель бытия» [Современный философский словарь 1996: 691]. В поэтической картине мира время олицетворяется. Оно властвует, управляет человеком: *Расшинуруй меня, враг мой, время* (с. 291)². Коварное время неуловимо: оно *прячется по углам* (с. 442), *ходит по кругу / или прямо бегом / отмеряя день сапогом / или на босу ногу* (с. 427), *вот-вот ухватит за бока, / за жабры* (с. 542). Осознавая неумолимость времени, поэт упрямо пытается преодолеть его власть силой воображения: *Я выдумываю время по копейке, / Пока время не пришло за мной* (с. 141).

Движение реального времени, неразрывно связанного с образом коллективного автора, охватывает текущее настоящее, ближнюю ретроспекцию и неопределенное будущее: *Настоящее пахнет букетом, / А в прошедшем — гербарий душист. / То, что будет, — ласкается светом, / А слова еще прежде нашлись* (с. 375). Прослеживается фаталистическое отношение к движению времени: *Я вообразил, / <...> Как в итоге я окончательно / перестану думать о будущем, / препоручив его вселенской механике // («Весна всё равно придёт»)* — с. 306. Бремя прошлого, однако, препятствует ожиданиям обновленного будущего: *будущее / становится невозможным, / прошлое — неизбежным* (с. 494). Событий-

ность времени измеряется мгновением: *среди болей, смертей, этаназий — / был выданный счастьем аванс, / мгновенья случайный оазис* (с. 327). Атрибутивный сопроводитель *прекрасное* не всегда выступает как постоянный: *Поставлю это видео на паузу. / Остановлю мгновенье, как учили / (теперь нам это стало по плечу), / не потому, что так оно прекрасно, / а просто продолженья не хочу* (с. 416)³.

Философские обобщения не заслоняют конкретно-чувственного воспроизведения реального времени в динамике. Прямые темпоральные сигналы — конкретные даты: *Мне кажется, / Сегодня тридцать первый. Мне сорок три* (с. 310); *приближается наиболее острый момент кампании 42-го* (с. 174). Дата органично соединяет прошлое и настоящее: *60-летию Победы* (заглавие стихотворения — с. 550). Для обозначения социально значимого отрезка времени используются экспрессивные стандарты: *Лихие 90-е; тучные нулевые* (с. 489).

Значимые периоды советского времени маркируются именами собственными. Особо выделяются пропущенные через личный опыт поэта приметы обыденной жизни. Например: *Вот типичная картина времён моей молодости: / <...> мой товарищ, издавая свистяще-хрюкающие и чмокающие звуки, / гениально изображает / дорогого Леонида Ильича Брежнева. / <...> Дома меня ждёт / запрещённый «Доктор Живаго» / (издание Мичиганского университета) <...>* (с. 384). Особая примета времени — актуальное слово, отражающее направление социальных и идеологических изменений: *Приехали в Заборье — в пальто, на машине. / Мужик их увидел, и кулаком: «У! Менеджеры... чёртовы». / Они обрадовались: ну всё, перестройка победила, / Если в Заборье знают слово «менеджер». / Мир изменился бесповоротно. //* — (с. 339).

Прошлое (*три революции, война* — с. 185; *распад величайший державы* — с. 110) угрожает возможными катаклизмами в настоящем: *Выбросится на берег очередной / Семнадцатый год* (с. 253). *Снующее настоящее* (с. 417) с его сомнительными обретениями (*Брокер весел, директор доволен, / Спрос изучен, маркетинг не врёт* — с. 87) сосредоточено на бесполезных спорах: *снова кто-то ругал / графа толстого / аферы графа / коррупцию в ЖКХ //* — с. 38). Включение в однородный ряд логически и аксиологически неоднородных имен, выделение прописными буквами аббревиатуры, уравнивание с помощью строчных букв духовных исканий (*толстой*) и финансовых схем (*греф*) — сигналы аксиологической неразберихи. *Экскурсии в супермаркеты* (с. 352), а не в музеи, маргинализация поэзии (*в два часа ночи / на канале культура / обсуждают / кому сегодня нужны стихи //* — с. 148) — лишь отдельные приметы кризиса современной российской культуры. Концептуальная трактовка времени объединяет анонимных авторов — поэтов, принадлежащих разным поколениям.

Структура сверхтекстового пространства непосредственно связана с «географичностью» стиля, которая поддерживается многочисленными топоним-

¹ Определение сверхтекста, основы его типологии предложены в работе: [Купина, Битенская 1994: 214–233].

² Извлечения из текстов приводятся светлым курсивом. Сохраняются орфография (в том числе буква ё), пунктуация, графические особенности источника. За пределами анализа находятся преднамеренные, а также непреднамеренные языковые ошибки и недочеты.

³ Переработка прецедентных высказываний — стилистическая примета сверхтекста.

мами, гидронимами и соответствующими производными образованиями. Конкретные номинации локусов имплицитно передают информацию о критерии самоидентичности анонимного автора: *Москва, Петербург, Екб* (Екатеринбург), *Пермь, Самара, Волоколамск, Соликамск*, а также *Гомель, Киев, Измаил, Баку, Иерусалим* и др.; *Нева, Волга, Исеть; Днепр, Каспий* и др. Семантика притяжательности (*моя провинция, мой / наш город*) усиливает ощущение неразрывной связи анонимного автора с местом рождения, формирования личности — даже в случаях передачи подтекстной иронии: *Мои фазаны бегают в посадках / Под Измаилом* (с. 375); *Прекрасен город детства номерной, / в пробирке выращенный атомной войной, <...> Теперь наш округ с гордым именем ЗАТО <...>* (с. 485). Неподдельное чувство привязанности сопровождается употреблением номинаций типа *ростовский полдень, московский закат*. Оттопонимические производные отражают также этапы формирования мировосприятия советского человека, для которого и сегодня органически общим является разделенное пространство некогда единой страны: *челябинский тракторный навсегда / где я родился и вырос / одесский завод жбк где сделали из меня человека / и вот наконец-то харьковский имени Малышева <...>* (с. 477).

Таким образом, вербальные знаки времени и пространства непосредственно связаны со структурой авторского я. Анонимные авторы сегодня и сейчас обитают в разных городах России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Объединяет их русский язык — *родной и общий, общий и родной* (с. 463). Именно язык выступает как стержень коллективной идентичности и одновременно — основа образа коллективного автора. Сквозной в сверхтексте является смысловая переключка «язык — жизнь»: *Все мы живы ещё, / нам хватает пока языка — / не оправдываясь, произносить близкое чуду. / <...> то самое, единственное найденное слово...* (с. 374). Поэт живет языком, звучащим словом, текстом: *и текст жизнь наша / и жизнь текста наша жизнь* (с. 332). Призвание русского поэта — *словами жить... словами петь* (с. 370). Многие из этих слов *сухи, тверды, конечны* (с. 531). Обретение истинного поэта — слово *твердеющее, жреческое, победительное, сокровенное: самые невероятные / видения звуки слова мысли строки / приходят под утро / поймать / зафиксировать / явить <...> непреходящее / предрасветное / сокровенное / ну вот оно / вот // нет / не случилось <...>* (с. 147). В процессе поэтического творчества отвергаются *фраза, рожденная впопыхах* (с. 85), *одно неверно сказанное слово* (с. 233), *слова несложившиеся* (с. 342). Исключаются штампованные высказывания: *все реченья ненадежны, / из известных тебе формул / не пригодна ни одна. //* (с. 349). Напротив, образно-оценочный потенциал слова вызывает неподдельное восхищение: *<...> Ильмень / расплывалось озеро — / в нём сплелись ил и пламень — / то-то славное слово!* (с. 505); *Цену звонкому слову я знаю, / Принимаю в нём всё, что ни есть <...>* (с. 62). Эстетическое отношение к лексическому богатству языка не исключает, а даже требует обновления: *время давать имена / травам корням животным <...>* (с. 53).

Стремление оперировать языком как системой возможностей проявляется в употреблении лингвистических терминов, образующих сверхтекстовый вертикальный ряд: *звук, фонема, морфема, нулевой префикс, окончание, слово, сема, фраза, предложение, сослагательное наклонение*. Например, идея дара смыслообразования передается поэтом с помощью узкоспециального термина «сема», обозначающего компонент лексической семантики: *Всё было наполнено смыслом, / Словно летним дождём: / <...> Семьи падали с неба <...>* (с. 336). Поэт призван восполнить дефицит актуальных смыслов с помощью слова звучащего. Воображаемый доверительный диалог с выдающимся лингвистом обнаруживает понимание благозвучия речи как органического свойства языка поэзии: *Я шепчу Бодуэну де Куртене / Я фанатик фонетики фонетик музыки //* (с. 105).

Коллективный автор диагностирует болезни речевого существования. Отметим важные для учителя-практика болевые точки: *Так мало в разговорах важных тем* (с. 436) — выхолащивание информационной составляющей коммуникации; *но и всегда на иностранном / косые вывески горят* (с. 235) — экспансия заимствований; *А во что сейчас дети играют, ужас один! / <...> А слова — разве это речь? / Насмотрелись кино, всех этих ненаших драк, / Как же их уберечь... //* (с. 339) — влияние «чужой» культуры на языковую личность ребенка, его интеллект и ценностные предпочтения; *Я и сам не пойму этот антисюжет — / у ларька голубей, облепивших перила, / на пивнушке записку: ушла на обет. / Не поверишь, вот так и написано было* (с. 186) — утрата интуитивного чувства языка, бытовая безграмотность; *Запятыя юрко стремятся к бегству, / собери их все и расsey по тексту* (с. 326) — исчезновение знаков препинания, способствующее деформации мысли.

Губительное влияние на лингвокультуру, как следует из сверхтекста, оказывают институционально заданные установки, отвергаемые коллективным автором: — *У нас в журнале <...> только правильные имена, / только светлая сторона, / где все веселы, все здоровы, / и у каждой вещи — своя цена* (с. 398). Глянцевая стилистика противоречит принципу персонализма, который, в соответствии с эстетической конвенцией, предполагает право творца *свободно видеть*.

Сквозной мотив лингвоаксиологического сопротивления проходит через весь сверхтекст. Несмотря на то, что *целый мир стоит на страже / величья цифры, а не слова* (с. 329), поэт выбирает особый путь: он смело отстаивает «самовитость» слова, движется к художественным открытиям.

В сверхтексте находит отражение активный процесс оразговоривания литературного языка: используется лексика, имеющая сниженную окраску (*хлопнула фортка, пятиэтажка, непруха, нервак, мент, полудурки, бомжара* и др.). Например: *А всемирная паутина — это большая фабрика, / но я на ней не работник, а всего лишь — бомжара...* (с. 20). Речевая неразборчивость, характерная для повседневности, вызывает сомнение в целесообразности, востребованности, необходимости усердного труда поэта: *Кропал я оду... / Дальше ли кропать? / Но ты*

молчишь. Лишь лёгкий матерок / Разносит по бульвару ветерок... (с. 233).

«Залетает матерок» и на страницы сверхтекста. Вкрапления обсценизмов мотивированы. Используются лишь наиболее употребительные матизмы, включенные в «чужую» речь: П е р в а я д е - в у ш к а: Известно с чем рифмуется, о да! В т о р а я д е в у ш к а, о б и ж е н н о: Сама пизда! (с. 150). В составе авторской речи матизм сопровождается метаязыковым комментарием [См.: Вепрева 2002]: Я люблю слово «бля» в разговоре пустом. / Там, где Ленин стоит, указуя перстом, / где собака бежит и дрожит под кустом, / молодой человек разливает по сто. // (с. 232). Перечень обыденных ситуаций, где уместно употребляется крепкое слово, одновременно исключает наличие мата в литературной речи. Необходимо отметить, что поэтика низкого для сверхтекста как стилистического целого не является характерной. Коллективный автор соблюдает чувство меры, но, будучи автором современным, не может абстрагироваться от речевой реальности.

2. Попытаемся ответить на принципиальный для учителя русского языка и литературы вопрос: соответствует ли речевой пласт произведений, включенных в «Антологию — 2016», сложившимся в отечественной лингвокультуре концептуальным представлениям о поэтическом.

В языковом национальном сознании поэтическое воспринимается как нечто «прекрасное, возвышенное, воздействующее на чувства и воображение» [Словарь русского языка 1984, т. 3: 350]. В сочетаниях типа поэтическая натура, поэтический порыв, поэтическая речь реализуются дифференциальные признаки лексического значения прилагательного, которое в приведенных примерах употребляется как качественное. В общенародном понимании поэтическая речь в разных сферах функционирования отличается эмоционально-эстетической насыщенностью, небанальностью, приподнятостью, неприземленностью. Поэтическое — это прежде всего высокое.

Собранные в анализируемом издании тексты охвачены устремленностью коллективного автора к высокому (ключевые слова: небо, звезда, облако, луна, солнце, подняться, лететь, парить, ввысь, над). Например: поэт вероятно мечтал взлететь / пересечь улицу / подняться над домами / городом / людьми / над повседневностью / над привычками и условностями <...> (с. 431). Вектор движения — вверх, от земли: Лети, мой вольный стих! (с. 204); я облаком над городом лежал (с. 310); ПоэтОбалдевший / слегка воспарил / он вызывает протуберанцы // он Кто-Видит в капусте поэтический образ (с. 343). Субъект эмоционально-эстетического переживания — лирический герой, отстаивающий право на личностное мировидение, — стремится познать свой внутренний мир в отвлечении от навязанных стандартов и установок: Но нет такого слова «надо», / а есть такое слово — «я» <...> (с. 44). Поэт поглощен поисками высокого: Подбирал бы с утра и до ночи слова, / отдавая всё время высокому слогу (с. 186).

Вопреки активному языковому процессу вымывания высокого, современный поэт пытается вернуть в речевой оборот архаическую лексику и уста-

рванные грамматические формы: в забвенну лиру, / в пыль лежащу, / в терпение, и в скорбь, и в роцу с чащей, / и в голос твой от людства удалённый / не верится. // (с. 393). Орнамент высокого формируется и на базе активной лексики: наши фильтры божественной красоты? (с. 482); Мелодия стыда / и гнева в одночасье. // Живёшь не навсегда. / А всё равно для счастья (с. 181). В границах ряда однородных членов предложения конкретизируется мотивированное жизненным опытом общементальное, групповое и субъективное понимание высокого: всё, что в нас есть высокого: / небо, тоска, спецназ. // (с. 30).

Поэт, погруженный в речевую действительность, наблюдает редукцию возвышенного. Эстетические предпочтения вербально выраженных духовных ценностей ощущаются им как ускользающие: Поиск духовный — как поезд последний <...> (с. 404). Необходима от лужи прививка (с. 46), которая может предотвратить болезни языка, заполнить лакуны, образовавшиеся в результате «лексико-фразеологических утрат», в частности, «выпадения церковнославянизмов из языкового сознания» [См.: Сквородников 2016: 32–64].

Отметим, что социальные катаклизмы конца XX века, крушение идеологических основ тоталитаризма, отсутствие жесткой лингвистической цензуры — все эти факторы способствовали активизации языковых процессов, маргинализирующих поэтическую речь. Либерализация норм, вульгаризация, варваризация, расширение границ этической позволительности захлестнули речевое существование. Русский язык оказался «на грани нервного срыва» [Кронгауз 2009]. На этом фоне стала проявляться общественная пресыщенность языковой вседозволенностью. Российская цивилизация снова продемонстрировала «уникальный опыт самосохранения вопреки всему» [Быков 2016: 125] — сохранения языка как национальной ценности. В текущее время динамика оппозиции «высокое — низкое» отмечена формирующейся тенденцией к предпочтению высокого, ярко выраженной в материалах «Антологии — 2016» и отражающей ожидания читателей.

Сложившуюся поэтическую традицию поддерживает отсутствие «красивостей», а также частотность лексемы душа. Задушевное передается лирическими высказываниями, в том числе исповедального характера. Например: Товарищ — душа моя. / Ты — птица, зверь. / Моя незапертая дверь (с. 415); Я себя немного недопонял. / Значит, понял ровно ничерта (с. 141). Эмоциональный отклик вызывает употребление глагола любить, смысл которого погружен в узнаваемые ситуации, и лексики, обозначающей проявления эмоций. Любовь-отношение (в соответствии с общенародной интерпретацией концепта) — чувство бескорыстное и многогранное: Люби меня за что-нибудь простое, / за что-нибудь пустое — просто так. / Чего-нибудь... я ничего не стою. / Но можно же любить и за пустяк? (с. 169); Ты будешь любить меня? / Ты будешь глядеть вперед / Поверх моего плеча? / Ты увидишь то, что я вижу? (с. 317); Люблю мельчайшие детали, и беспричинно дорогим / становятся одна слезинка, просторный холод, твой звонок / и речи правильной

запинка <...> (с. 167); *Спи, мой хороший! Целую висок, / глазу по сердцу <...>* (с. 388).

Словесная образность имеет узнаваемые чувственные основания, сближающие мировидение коллективного автора и коллективного читателя: *Летает дыма голубой воланчик* (с. 435); *качается сутулая река* (с. 437); *за окном кричит человек / страшно надрывно / как птица / ветер / или зима // как будто пришел / выкричать / боль каждого / слабого / беззащитного / холод и одиночество / бесприютные ночи / злые обиды //* (с. 57). Феномен поэтического ярко проявляется в зонах ментальной метафорической референции: *белой медведицей спит Россия / бурый в Европу нос / хвост в океан / азиатское брюхо / вздрагивает в снегу / <...>* (с. 201); *За окном, где берёза мёрзнет или рябина, / посинели снега <...>* (с. 351). Поэтическое мировосприятие опирается также на безобразную образность. Например, целостное визуальное и одновременно эстетическое впечатление создают узнаваемые, но все еще непривычные штрихи к портрету юноши: *<...> стоял незнакомец прелести, / гибкий, невероятный, с бородкой и тёмными завитками, / взятymi на затылке в хвост... //* (с. 140).

Как показывает анализ, с точки зрения читательского восприятия, в «Антологии — 2016» реализуются ментально заданные признаки концепта «поэтическое» (возвышенность, неприземленность, задушевность, образность), обеспечивающие эмоционально-эстетическую возбудимость речи.

3. Зададимся еще одним вопросом: можно ли воспринимаемое «поэтическое» интерпретировать как поэзию, то есть словесное искусство, художественное литературное творчество?

В наши дни общим местом стало суждение: «Литературы больше нет». Категорическое отрицание значимости современных литературно-художественных произведений вообще и поэзии в частности подтверждается высказываниями-рефлексивами: «Мне кажется, это далеко от поэзии»; «Так называемые стихи молодых авторов лишь отдаленно напоминают поэзию» и т. п. Такие оценки можно объяснить лингвоэстетическим консерватизмом носителей литературоцентрической культуры, сформировавших вкусовые ценностные предпочтения на основе чтения произведений русской классики минувших веков. Немаловажную роль играют аксиологически значимые «травмирующие черты общественного сознания» [Гощенко 2015: 19], возникшие в постсоветскую эпоху. Мысль об исчезновении поэзии встречаем и на отдельных участках свертхтекста: *Поэзия закончилась. Ни песню / не сочинишь, ни горестную оду* (с. 358). Драматическое восприятие сложившейся в России литературной ситуации не сглаживается шутливо-иронической интонацией: *Опять заботливая проза / Морочит прописью своей. / А где же, извините, роза? / Где, извините, соловей?* (с. 535).

Чтобы ответить на вопрос, являются ли тексты 115 анонимных авторов произведениями поэзии как рода словесного искусства, оттолкнемся от терминологического содержания понятия «поэтическая речь» («поэтический язык»), обозначенного в трудах представителей русской формальной школы и их

последователей. Поэтический язык обладает самостоятельной эстетической ценностью, «независимо от той практической цели, которую мог бы осуществлять» [Якубинский 1986: 193], и предполагает использование языкового кода как системы возможностей с установкой на воплощение художественной идеи.

Следует подчеркнуть, что в текстах современной массовой словесности практическая функция нередко сочетается с эстетической. При этом средства выразительности используются как «упаковочный материал» (Л. В. Щерба), усиливающий запланированный практический результат. Вот текст телевизионной коммерческой рекламы лекарственного средства, предназначенного для нормализации деятельности кишечника: *Если, сидя в туалете, вы прочли «Отцы и дети», сорок басен, сто поэм, — значит, нужен слаблен.* В границах ритмизированного текста, равного развернутому высказыванию, используется эмоционально-эстетический потенциал гиперболы и экспрессивной однородности. Обращает на себя внимание находящаяся на грани этической позволительности лексико-аксиологическая конфликтность, которая, как и рифма (*поэм — слаблен*), обеспечивает запоминаемость расположенного в сильной позиции текста рекламы названия лекарства. Отмеченные средства экспрессии маскируют утилитарную практическую функцию, которую поддерживает модальность долженствования. Данный текст остается в пространстве языка практического.

Таким образом, реализованные в ритмически организованном тексте выразительные и изобразительные средства, а также рифмы не могут рассматриваться в отвлечении от замысла производителя речи. Сам факт их использования нельзя считать достаточным основанием для интерпретации текста как произведения поэзии — словесного искусства. Внимание учителей-словесников заслуживает интенсивное развитие прикладной «поэзии», использующей эстетическую функцию манипулятивно. Утилитарные практические интенции коллективного автора в текстах «Антологии — 2016» не прослеживаются.

Язык поэзии предполагает «установку на эстетически значимое творчество» [Григорьев 1979: 77–78]. Важно отметить, что «поэзия... стремится познать неизвестное, новое, достичь общезначимого нового знания» [Григорьев 2004: 58]. Коллективный автор пребывает в поисках истины, стремится упорядочить, раздвинуть и преобразить *пространство сданного смысла* (с. 375). Чтобы преодолеть *ужас стать частью пыльного мира вещей* (с. 54), поэт устремляется мыслью в *небо полёта и абсолютного знания* (с. 340) в надежде вербализовать ускользающую истину: *но ты так же далека, / истина, от моей речи, / как была давным-давно; / сколько я ни шёл навстречу, / ты куда-то всё равно / уходила и презреньем / награждала поиск мой!* (с. 528). Результат поисков — емкие философские обобщения. Например: *вот чего во Вселенной не прибыло — это смысла, / хоть на Млечном Пути, хоть на Вишере, хоть на Висле, / для людей не меняется ничего* (с. 448); *Разве что бремя русского человека совсем в другом, / В том, что он как бы не русский и едва / Человек*

<...> (с. 251); *создавая разрушение, / мы забыли, / с чего начинали создавать // и теперь не знаем точно, что / мы создаём — / разрушение ли? — // и не знаем точно, мы ли / создаём это. — //* (с. 257); *Мне кажется, что я впервые вижу. / Похоже, жизнь устроена всерьёз* (с. 410).

«Опыт очевидности» требует «дара созерцания» [Ильин 1994, т. 3: 500, 543]. Созерцательность поэзии открывает неочевидное в очевидном. Для образного воплощения художественной идеи поэт изобретает «эвристемы» (В. П. Григорьев) — словесные новации. В речевой структуре исследуемых текстов основной массив эвриستم составляют компаративные тропы. Неожиданные образные параллели определяют нестандартность поэтического мировосприятия. Приведем отдельные примеры индивидуально-авторских именных метафор.

Генитивные метафоры: *артерии речи, вазочка слов, видеотека снов, запах горя, клубок строк, леса идей, недра текста, окрестности речи, поля планеты, поэма нуля, решето памяти, саркофаг палаты, сердце времени, спирали слов, стейк старости, тюрьма рифм, шарикоподшипники желаний.*

Метафорические эпитеты: *больные луны, глухонемая вода, легкокрылые слова, мгновенья огнехвостые, небо кислое, небо хрустящее, небо свирельное, памятьливая грязь, зимние глаза, чернобровый закат.*

Целостность образного впечатления поддерживается единообразным грамматическим оформлением авторских сравнений, в том числе с оператором *как*. Источники образных параллелей — реальный предметный мир, внутренний мир человека, мир природы, особо — мир животных и птиц, а также мир воображаемый. Например: *как шкатулка, открывается сердце* (с. 49); *деньги шелестят, как ливень* (с. 460); *как мышь в ночном горшке несётся время* (с. 286); *Свернулся вечер, как собака у порога* (с. 414); *Земля, как рыба, вознута* (с. 205); *Кричит петух, как пионерский горн* (с. 97); *Летит, как сокол, дворников карета* (с. 404); *Как родники, на теле сада / темнеют смуглые грачи* (с. 327); *Над городом застыли птичьи стаи — / совсем как отпечатки пальцев Бога* (с. 99). Используются номинации, семантика которых характеризуется культурно-специфическими коннотациями: *Он (вахтер) распускает, как цветы, / Лучи своей души мне* (с. 455); *сердце во мне билось соколом* (с. 243); *ветер шумит в берёзах как в волосах* (с. 300).

Менее ярко лингвоэвристическая составляющая поэтической речи проявляется в области аффиксальных новообразований: *этость, немность, недостаточество, недопостроенный* (дом), *желтит* (свет), *скворчит, грачит* (время). Активностью отличается образование слов-композигов, вторая часть которых способствует формированию переносного значения: *буква-всадник, буква-домик, буква-ножик, буквы-пузыри, воздух-ветеран, город-кристалл, девочка-хлопушка, люди-пуговицы, память-заика, снег-кашевар, сороки-разночницы* и др. Окационализмы внедряются в игровые конструкции. Например: *Поцелуешь себя, и речь / продолжает мерцать оплечь / чтобы инеем завтра лечь / на*

крылеч... (с. 28) — в данном случае в языковую игру вовлекается финаль слова.

«Фонетическая близость означающих разных знаков, асимметрия означающего и означаемого» [Чернейко 2016: 209] приводит к образованию паронимических аттрактантов. Инновационный процесс паронимической аттракции, характерный для поэзии XX века, развивается в анализируемых поэтических произведениях. Приведем отдельные примеры: *сан — сын, небо — нёбо, граф — греф, жить — жать* (вокалическая аттракция); *раны — рамы, печаль — печать, бабки* ('деньги') — *бабы, деньки — деньки* (консонантическая аттракция). Материалы «Антологии — 2016» позволяют в перспективе уточнить основания креативных технологий создания аттрактантов с учетом экспериментальных поисков семантических сближений — в том числе тождественных буквосочетаний и фонетически сходных звуко сочетаний. Например, в зону взаимного семантического притяжения попадают одинаковые сочетания согласного и гласного; согласного, гласного и согласного — независимо от морфемного членения слова и места в составе фонетического слова (т. е. без учета типовых фонетических изменений). Например:

небо
бог боярышник
утро
рождение роза
море
ревность резеда
ветер
терпение терновник (с. 75).

Смысловые и эмоционально-эстетическиеращения в подобных текстах могут быть выявлены только в процессе специального декодирования.

Спорным является эвристический результат, связанный с полным или частичным отказом от знаков препинания; от прописных букв. Складывающаяся тенденция изменения графики стиха (см. приведенные выше примеры), по наблюдениям исследователей, приводит к «синтаксической неоднозначности», возможности «одновременного восприятия разных значений» и в целом — «неконвенциональной связности современного русского поэтического текста» [Бочавер 2016: 238]. В соответствии со сложившейся традицией «синтаксис поэтического текста включает в себя... синтаксическую структуру строки и строфы...» [Ковтунова 2005: 239]. Следствие неканонического расположения строк, а также пробелов — импульсивный «рваный» синтаксис, формирование «строфоидов». Например:

куда сном встречает когда
она ищет кто вдоль (с. 473)
встретит ли пространством

Расположенные на оси сложности экспериментальные изменения графики в ее соотношении с синтаксисом высказывания и целого текста подлежат специальному анализу.

В заключение подчеркнем, что коллективный автор, интуитивно ощущая усталость носителей рус-

ской лингвокультуры от засилия низкого, стремится сохранить философию прочный каркас (с. 565), утвердить высокое предназначение поэзии. Обновление образных параллелей компаративных тропов, расширение парадигмы паронимических аттрактантов, отбор средств художественной выразительности с учетом общементальных ценностных предпочтений — заметные лингвоэвристические результаты поэтического творчества текущего времени. Задача учителя-практика — разработать включенную в отмеченные лингвоэвристические результаты систему аналитических и творческих упражнений, ориентированных на формирование языкового вкуса и развитие креативной речевой личности школьника.

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК

Русская поэтическая речь — 2016: в 2 т. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2016. — Т. 1: Антология анонимных текстов. — 568 с.

ЛИТЕРАТУРА

Бочавер С. Ю. Неконвенциональная связность современного русского поэтического текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7 / отв. ред. Н. А. Фатеева. — М., 2016. — С. 338–347.

Быков Д. Думание мира: Рецензии, статьи, эссе. — СПб.: Лимбус Пресс, ООО Издательство К. Тублина, 2016. — 376 с.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 380 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова. — М.: Наука, 1979. — 344 с.

Григорьев В. П. Эвристика и четырехмерное пространство языка // Вопросы языкознания. — 2004. — № 5. — С. 58–67.

Золян С. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентрической лингвистике) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7 / отв. ред. Н. А. Фатеева. — М., 2016. — С. 69–85.

Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: в 10 т. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 3. — С. 383–560.

Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т. 1 / Российская Академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Е. В. Красильникова. — М.: Азбуковник, 2005. — С. 239–297.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2009. — 232 с.

Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — Текст — Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург: Институт развития регионального образования Департамента образования Администрации Свердловской области, 1994. — С. 214–233.

Русская поэтическая речь — 2016: в 2 т. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2017. — Т. 2. Аналитика: тестирование вслепую. — 688 с.

Сковородников А. П. Экология русского языка: монография. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. — 388 с.

Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1984. — Т. 3. — 752 с.

Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. — М. — Бишкек — Екатеринбург: Publischer Odisei, 1996. — 608 с.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.

Чернейко Л. О. «Лексическая ассимиляция»: сфера действия и основания для типологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7 / отв. ред. Н. А. Фатеева. — М., 2016. — С. 208–221.

Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М.: Наука, 1986. — 206 с.

REFERENCES

Russkaya poeticheskaya rech' — 2016: v 2 t. — Chelyabinsk: Izdatel'stvo Mariny Volkovoy, 2016. — Т. 1: Antologiya anonimnykh tekstov. — 568 s.

Bochaver S. Yu. Nekonventsional'naya svyaznost' sovremennoogo russkogo poeticheskogo teksta // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 7 / отв. red. N. A. Fateeva. — М., 2016. — S. 338–347.

Bykov D. Dumanie mira: Retsenzii, stat'i, esse. — SPb.: Limbus Press, ООО Izdatel'stvo K. Tublina, 2016. — 376 s.

Vepreva I. T. Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. — 380 s.

Grigor'ev V. P. Poetika slova. — М.: Nauka, 1979. — 344 s.

Grigor'ev V. P. Evristika i chetyrekhmernoe prostanstvo yazyka // Voprosy yazykoznanija. — 2004. — № 5. — S. 58–67.

Zolyan S. Lingvisticheskaya poetika i obshchaya teoriya yazyka (o kontekstno-zavisimoy semantike i tekstotsentricheskoy lingvistike) // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 7 / отв. red. N. A. Fateeva. — М., 2016. — S. 69–85.

Il'in I. A. Put' k ochevidnosti // Sobr. soch.: v 10 t. — М.: Russkaya kniga, 1994. — Т. 3. — S. 383–560.

Kovtunova I. I. Sintaksis poeticheskogo teksta // Poeticheskaya grammatika. T. 1 / Rossiyskaya Akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova; отв. red. E. V. Krasil'nikova. — М.: Azbukovnik, 2005. — S. 239–297.

Krongauz M. A. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. — М.: Znakh, 2009. — 232 s.

Kupina N. A., Bitenskaya G. V. Sverkhtekst i ego raznovidnosti // Chelovek — Tekst — Kul'tura: kollektivnaya monografiya / pod red. N. A. Kupinoy, T. V. Matveevoy. — Ekaterinburg: Institut razvitiya regional'nogo obrazovaniya Departamenta obrazovaniya Administratsii Sverdlovskoy oblasti, 1994. — S. 214–233.

Russkaya poeticheskaya rech' — 2016: v 2 t. — Chelyabinsk: Izdatel'stvo Mariny Volkovoy, 2017. — Т. 2. Analitika: testirovanie vslepuyu. — 688 s.

Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo yazyka: monografiya. — Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2016. — 388 s.

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. AN SSSR / pod red. A. P. Evgen'evoy. — М.: Russkiy yazyk, 1984. — Т. 3. — 752 s.

Sovremennyy filosofskiy slovar' / pod red. V. E. Kemerova. — М. — Bishkek — Ekaterinburg: Publischer Odisei, 1996. — 608 s.

Toshchenko Zh. T. Fantomy rossiyskogo obshchestva. — М.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. — 668 s.

Cherneyko L. O. «Leksicheskaya assimilyatsiya»: sfera deystviya i osnovaniya dlya tipologii // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 7 / отв. red. N. A. Fateeva. — М., 2016. — S. 208–221.

Yakubinskiy L. P. Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie. — М.: Nauka, 1986. — 206 s.

Данные об авторах

Эва Колларова — Католический университет (Ружомберок, Словакия).

Адрес: 03401, Словакия, Ružomberok, Žilinský kraj Nám. A. Хлинку 60

E-mail: kollarova@orava.sk.

Наталья Александровна Купина — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 312.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru.

About the authors

Eva Kollárová — Katolícka univerzita v Ružomberku (Ružomberok, Slovakia).

Natalia Aleksandrovna Kupina — Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).